Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году

Автор:
Те Нэм Джу

Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году

Те Нэм Джу

Global Books. Книги без границ

Ким Чжи Ен – одно из самых распространенных корейских имен для целого поколения. Таким образом, героиня этого романа – фактически любая современная южнокорейская женщина, чья мать после ее рождения была вынуждена извиняться перед родителями мужа за то, что ее ребенок – девочка.

В этом романе Ким Чжи Ен проходит путь от детства до материнства и рассказывает свою историю мужчине-психиатру, типичному гражданину своей страны.

Ким Чжи Ен сталкивается с глубоко укоренившейся гендерной дискриминацией на каждом этапе своей жизни, и это глубоко поражает, поскольку у международного сообщества Южная Корея уже много лет ассоциируется с высокоразвитой, прогрессивной культурой.

Те Нэм Джу

Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году

??? (Cho Nam-joo)

82?? ??? (Palsip Yi Nyeon Saeng Kim Jiyeong)

© Cho Nam-joo, 2016

© Бялко А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Толкования некоторых слов и понятий, использованных в книге

Ajumma – аюмма – изначально обозначает обращение к женщине среднего возраста, типа «мадам». Но значение трактуется также несколько шире и не совсем нейтрально – говорится, что в Корее есть три пола – мужчины, женщины и аюмма. То есть это можно рассматривать как пренебрежительное «тетка».

Baengno – Бенг-Но – корейский сезонный термин, День белой росы, вычисляется по лунному календарю и выпадает примерно на начало сентября.

Biji – биджи – корейский густой суп, может включать разные ингредиенты, часто варится из бобовых.

Busan – Пусан – второй по величине город в Корее после Сеула.

Chuseok – Чхусок – один из самых главных корейских праздников. Отмечается в 15-й день 8-го месяца по лунному календарю, то есть выпадает примерно на осеннее равноденствие. Также он приурочен к концу сбора урожая. Посвящается семье, поминовению предков и семейным, родовым традициям. Праздник отмечается несколько дней. Семья собирается вместе, на столы ставится в определенном порядке ритуальная пища, ходят поминать родственников на кладбище, общаются и отдыхают. Готовится много обязательной праздничной еды.

Gangnam – Гангнам – современный район Сеула вдоль берегов реки Хан, с небоскребами, дорогими магазинами и модными ресторанами и кафе.

Gwanghwamun – Квангэмон – изначально самые большие ворота императорского дворца в Сеуле. Были разрушены, затем восстановлены. Сейчас это место известно как Квангэмон-плаза и является одним из туристических и развлекательных центров Сеула.

Gye – ги – частный вариант кассы взаимопомощи, «черная касса», когда несколько знакомых каждый месяц вкладывают определенную сумму, которую потом по очереди забирают.

Hoju system – ходжу – традиционная система семейного уклада. В рамках этой системы главой семьи признавался старейший ее член мужского пола, и наследовать ему могли только потомки мужского пола по прямой линии. Система ходжу существовала как основной уклад до марта 2005 года, когда был принят Акт Дополнения к Своду законов за номером 7427. С 1 января 2008 года патриархальная система ходжу была отменена во всей стране, как нарушающая Закон о гендерном равенстве. Конституционный суд Кореи признал эту систему не соответствующей Конституции страны. Несмотря на это, патриархальные взгляды продолжают сохраняться в Корее, особенно среди представителей старших поколений.

Japchae – джап-чой – корейское блюдо из смеси мяса и овощей. Традиционно готовилось без лапши, но существуют варианты и с лапшой.

Jeonse lease – джеонс – способ сдачи недвижимости в аренду под залог, характерный для Южной Кореи.

Kimbap – кимбап – корейский вариант суши, но, как правило, с мясом и овощами вместо сырой рыбы. Часто используется как блюдо для пикников.

Oppa – оппа – буквально означает «старший брат», но в современном языке используется для обозначения бойфренда, мужа, старшего мужчины.

Pyeong – пейонг – корейская мера площади, примерно 3 ? 2 м.

Seobang – сеобан – так корейские жены называют мужей.

Soju – соджу – корейский алкогольный напиток типа водки, но примерно вдвое меньшей крепости, 20–24 градуса. Может делаться из риса, пшеницы, картофеля, батата, тапиоки и т. п.

Songpyeon – сонпхен – традиционные корейские пирожки из рисовой муки с разными начинками. Готовятся, как правило, для празднования Чхусок.

Teokbokki – тёкпокки – корейский уличный фастфуд, рисовые острые пирожки на палочках, жаренные в масле. Так же называется уличный киоск, в котором они продаются.

Осень 2015

Ким Чжи Ен 33 года, по корейскому счету – 34. Три года назад она вышла замуж и в прошлом году родила дочь. Она живет в пригороде Сеула с мужем Джан Дай Хунем тридцати шести лет и дочерью Джан Джи Вон в арендованной на джеонс (с крупным депозитом) квартире в 24 пейонга.

Дай Хунь работает в IT-компании средней величины, а Чжи Ен раньше работала в небольшом пиар-агентстве, откуда ушла за несколько недель до родов. Дай Хунь обычно возвращается с работы около полуночи. Родители Дай Хуня живут в Пусане, а родители Чжи Ен держат небольшой ресторан, поэтому Чжи Ен ухаживает за дочкой сама. Когда Джи Вон прошлым летом исполнился год, она начала ходить на полдня в детские ясли. Теперь по утрам она в яслях, оборудованных в квартире на первом этаже того же дома, где они живут.

Впервые симптомы у Чжи Ен проявились 8 сентября. Дай Хунь точно запомнил дату, потому что это был первый день Бен-но, времени года, когда температура ночью падает ниже точки росы. Пока он завтракал тостом с молоком, Чжи Ен внезапно вышла на веранду и распахнула окно. Хотя солнце и было ярким, морозный воздух ворвался внутрь и выстудил комнату.

Обхватив себя за плечи, Чжи Ен вернулась в комнату, села и заметила: «Я все думала, почему по утрам холодно, а теперь вижу, что наступил первый день Бен-но! Желтые поля все побелели от утренней росы!»

Дай Хунь рассмеялся, заметив, что жена говорит, как старушка.

– Что с тобой? Ты говоришь, как твоя мама.

– Возьми с собой куртку, Джан сеоба-ан. По утрам и вечерам уже холодно.

Тогда он подумал, что она просто шутит. Подражание ее матери было безупречным, вплоть до характерного моргания правым глазом, когда та о чем-то просила, и растянутого окончания в слове «Джан сеобан». Примерно в то же время Чжи Ен начала часто смотреть куда-то в пространство, и иногда Дай Хунь стал замечать, что при звуках печальной музыки у нее текут крупные слезы. Он решил, что дело в переутомлении от ухода за ребенком, хотя обычно Чжи Ен всегда была веселой и бодрой и часто смешила его, передразнивая известных комиков. Так что в тот день он просто не обратил внимания на это подражание теще, обнял жену и ушел на работу.

Когда Дай Хунь поздно вечером вернулся с работы, жена спала рядом с дочерью. Обе сосали палец. Это было мило, но как-то странно. Поглядев на них, лежащих рядышком, Дай Хунь потянул жену за руку, чтобы вынуть палец у нее изо рта. Чжи Ен слегка высунула язык и причмокнула губами, как младенец, а потом снова погрузилась в сон.

Через несколько дней Чжи Ен сказала, что теперь она Ча Суньг Юн, их умершая год назад университетская подруга.

Суньг Юн и Дай Хунь поступили в университет одновременно, а Чжи Ен была младше них на три года. Чжи Ен и Дай Хунь не были знакомы во время учебы в университете. Проучившись три года, Дай Хунь был вынужден по семейным обстоятельствам покинуть университет. Потом он хотел продолжить учебу, но ему пришлось пойти служить в армию, после чего он вернулся домой в Пусан и год работал там на полставки. Во время его отсутствия Чжи Ен поступила в

университет и стала активным участником туристического клуба.

Суньг Юн всегда дружила со всеми девочками в турклубе, а кроме того, у них с Чжи Ен была одна общая черта – они обе на самом деле не любили ходить в походы. Они подружились и продолжали довольно часто встречаться даже после того, как Суньг Юн окончила университет. Чжи Ен впервые встретилась с Дай Хунем как раз на свадьбе Суньг Юн.

Суньг Юн умерла от эмболии околоплодными водами, рожая своего второго ребенка. Чжи Ен узнала об этом во время своей послеродовой депрессии, и эта ужасная новость в довершение ко всему заметно усложнила ей жизнь.

В тот день, после того как дочка уснула, Чжи Ен с Дай Хунем расслабились и выпили немного пива, что делали нечасто. Почти допив свою банку, Чжи Ен вдруг похлопала мужа по плечу и резко сказала:

– Эй, Чжи Ен сейчас тяжело. Возня с младенцем ужасно выматывает. Ты должен при каждом удобном случае говорить ей: «Ты отлично справляешься! У тебя классно получается! Я тобой горжусь!»

– Что, милая, играешь в предсказателя? Хорошо-хорошо. Да, Ким Чжи Ен, ты отлично справляешься. Я знаю, что тебе сейчас нелегко. Я горжусь тобой и люблю тебя. – Дай Хунь шутливо ущипнул ее за щеку, но Чжи Ен раздраженно отбросила его руку.

– Ты все еще думаешь, что я та самая ушибленная любовью Ча Суньг Юн? Которая тряслась, как лист на июльском ветру, признаваясь тебе в любви?

Он буквально застыл от этих слов. Это было двадцать лет назад, теплым июльским днем, в полдень. День был ужасно жарким. Они стояли вместе посреди поля, залитого солнечным светом. Он уже не помнил, как они там оказались, но он подбежал к Суньг Юн, а она внезапно призналась ему. Покрываясь потом, заикаясь, с дрожащими губами, она сказала, что любит его. Он, должно быть, выглядел смущенным и потрясенным, потому что Суньг Юн, увидев его лицо, быстро пошла на попятный.

– Все ясно. Ты не чувствуешь этого. Забудь, что я сказала. Ничего не было. Мы будем вести себя так же, как раньше.

Сказав это, она ушла от него через поле. И потом действительно вела себя так, словно ничего не произошло. Он даже сомневался, не вообразил ли себе это признание, настолько все было мимолетно. С тех пор он вообще полностью забыл об этом случае. А вот теперь его жена вспомнила о нем – о случае, который произошел солнечным днем двадцать лет назад и о котором могли знать только два человека во всем мире.

– Чжи Ен.

Он не мог произнести ничего больше. Он только пробубнил ее имя еще три раза.

– ЭЙ, ТЫ, прекрати называть меня ее именем. Я уже и так поняла, что ты образцовый муж!

«Эй, ты» – так всегда говорила Ча Суньг Юн, когда была пьяна. У него приподнялись волосы на затылке, словно по ним пробежали электрические волны. Притворяясь, что ничего не заметил, Дай Хунь стал уговаривать жену прекратить эти шутки. Чжи Ен, поставив пустую банку на стол, отправилась в спальню и легла рядом с дочкой, даже не почистив зубы перед сном. Она мгновенно заснула. Дай Хунь взял еще банку пива и залпом выпил ее. Что это была за шутка? Чжи Ен напилась? Ею завладел злой дух или что-то в этом роде, как показывают по телевизору?

На следующее утро Чжи Ен вышла из спальни, потирая виски. Она не помнила, что произошло накануне вечером. С одной стороны, Дай Хунь с облегчением решил, что она просто выпила лишнего, но с другой – это нехороший признак. К тому же Дай Хунь не мог поверить в то, что она напилась до умопомрачения – она выпила всего одну банку пива.

Но после этого вечера начали происходить странные вещи. Чжи Ен начала посылать письма, испещренные смайликами, чего никогда не делала раньше. Она начала готовить блюда вроде костного бульона или джап-чой, которые не любила и никогда раньше не готовила. Дай Хуню казалось, что он не узнает свою жену. А они прожили вместе три года, и два года до свадьбы встречались. За эти годы они пережили вместе много разного и очень бережно относились друг к другу. А теперь его жена, которая даже успела родить ему прелестную дочку, похожую на них обоих, по временам казалась вовсе не похожей на его жену.

Все эти неприятности достигли критической стадии в доме родителей Дай Хуня во время праздника Чхусок. Дай Хунь взял в пятницу отгул, и они всей семьей в семь утра на машине выехали в Пусан. Они приехали уже после пяти вечера, и Дай Хунь, уставший от долгой дороги, заснул после обеда с родителями. До рождения дочки они, путешествуя куда-то далеко, подменяли друг друга за рулем. Но теперь всегда водил он. Малышке не нравилось сидеть в автомобильном креслице, она постоянно плакала и визжала в нем, а у Чжи Ен лучше получалось ее успокаивать, отвлекая игрушками и угощением. Пока муж спал, Чжи Ен помыла посуду, выпила чашку кофе и вместе со свекровью отправилась за покупками для праздничного стола. Вечером женщины вместе сварили бульон, замариновали свиные ребрышки, сварили овощи, часть из которых заправили специями, а часть заморозили, вымыли и почистили морепродукты, нарезали овощи для фритюра, накрыли ужин, поели и убрали со стола.

Весь следующий день с утра до ночи Чжи Ен со свекровью жарили и тушили овощи и рыбу, готовили фритюр, запекали ребра, лепили и варили на пару сонпхен и периодически накрывали стол для очередного угощения. Остальные члены семьи Дай Хуня разговаривали, смеялись и угощались только что приготовленной праздничной пищей. Бабушка с дедушкой были в восторге от Джи Вон, не могли от нее оторваться, и ее детские гримаски вызывали у них приступы умиления.

На следующий день был Чхусок. Поскольку за соблюдение всех родовых традиций отвечал кузен из Сеула, семья Дай Хуня была в этот день относительно свободна. Все долго спали и ели то, что было приготовлено накануне. После того как посуда была вымыта и убрана, приехала сестра Дай Хуня, Джан Су Хунь, с семьей. Она была на два года моложе Дай Хуня и на год старше Чжи Ен и жила в Пусане с мужем и двумя сыновьями. Родня ее мужа жила здесь же. Поскольку их семья как раз отвечала за соблюдение родовых традиций, Су Хунь сильно устала в эти праздники. Она должна была готовить ритуальную пищу и выполнять обязанности хозяйки, принимая бесчисленных гостей. Едва ступив на порог родительского дома, Су Хунь, утомленная, рухнула на диван. Чжи Ен и ее свекровь сделали суп таро на мясном бульоне, сварили рис, пожарили рыбу, заправили овощи для салата и накрыли к обеду стол.

Когда со стола убрали, Су Хунь достала принесенные с собой для Джи Вон разноцветные платья, юбочки, заколочки и носочки с кружевами. Она с удовольствием наряжала Джи Вон, надевала ей носочки и закалывала заколочки, приговаривая: «Ах, если бы у меня была дочка» и «Девочки лучше всего». Чжи Ен в это время нарезала яблоки и груши, которые уже никто не ел, все были абсолютно сыты. Когда она принесла сонпхен, только Су Хунь взяла один попробовать.

– Мама, ты что, сама делала сонпхен?

– Ну конечно.

– Мама, ну я же просила тебя не готовить. Вообще-то я должна была раньше сказать, но и бульон не надо было варить. Можно же купить в магазине. Зачем мучиться и готовить столько еды? Мы же даже не исполняем родовые традиции. А так у вас с Чжи Ен получилась куча работы.

На лице матери отразилось неодобрение.

– Что такого трудного в приготовлении еды для своей семьи? Близкие проводят время вместе, готовят и едят. Разве не в этом сам смысл праздника?

Она повернулась к Чжи Ен и спросила:

– Чжи Ен, скажи, разве у тебя было много работы?

Щеки Чжи Ен покраснели, выражение лица смягчилось, а глаза потеплели. Дай Хунь встревожился, но прежде чем он успел что-то сказать или вывести жену из комнаты, Чжи Ен заговорила:

– Да, госпожа Джан. Моя маленькая Чжи Ен после каждого такого праздника не может подняться с постели.

Все затаили дыхание. Вся семья замерла на месте, словно бы сидела на гигантском ледяном поле. Когда Су Хунь смогла перевести дыхание, из ее рта вырвался клубок ледяного воздуха:

– Н-не надо ли сменить Джи Вон подгузник?

Дай Хунь поспешно попытался взять жену за руку, но она отбросила его ладонь.

– Джан сеоба-ан! Ты тоже виноват! Ты все праздники проводишь в своем Пусане, а к нам забегаешь только быстро перекусить. Хотя бы в этом году зайди пораньше, – сказала она, подмигивая правым глазом.

В этот момент шестилетний сын Су Хунь упал с дивана, где играл со своим младшим братом. Он заплакал от боли, но никто даже не обратил на это внимания. Поглядев на взрослых, сидящих в оцепенении, он немедленно перестал плакать.

– Что за ерунда? – загремел отец Дай Хуня. – Как ты разговариваешь со старшими? Дай Хунь, Су Хунь и вся семья собираются вместе всего несколько раз в году. Неужели так уж трудно провести немного времени с семьей?

– Папа, она говорит о другом, – попытался объяснить Дай Хунь, но он тоже не знал, с чего начать.

– Госпожа Джан, при всем уважении, я должна высказаться, – холодно продолжила Чжи Ен, оттолкнув Дай Хуня. – Как вам известно, праздники – это время, когда семья собирается вместе. Но это не только ваш праздник. Наша семья тоже хочет отпраздновать. Все так заняты, и моим детям тоже трудно собраться вместе в будние дни. Вы должны отпускать нашу дочь домой хотя бы тогда, когда к вам приходит ваша.

В конце концов Дай Хуню пришлось зажать Чжи Ен рот рукой и вытащить ее из комнаты.

– Папа, она нездорова. Мама, папа, Су Хунь, поверьте мне. Она в последнее время болеет. Я все потом объясню.

Дай Хунь так быстро затолкал жену и дочь в машину, что они даже не успели одеться. Оказавшись в машине, Дай Хунь в ошеломлении прижался головой к рулю. А Чжи Ен в это время напевала дочке, как будто ничего не произошло. Родители Дай Хуня даже не вышли попрощаться с ними. Вместо этого Су Хунь

вынесла вещи брата и поставила их в багажник.

– Чжи Ен права, – сказала Су Хунь. – Мы были невнимательны. Не ругайся и не спорь с ней из-за этого. Не сердись на нее. Просто скажи, что ты благодарен и что тебе очень жаль. Ясно?

– Я поехал. Поговори обо мне с отцом.

Дай Хунь не был сердит – он был потрясен, расстроен и напуган.

Дай Хунь сам сходил к психиатру, чтобы обсудить с ним симптомы жены и варианты ее лечения. Жене, которая, казалось, не замечала своего состояния, он сказал, что доктор назначил ей терапевтические сеансы, потому что она плохо спит и выглядит напряженной. Чжи Ен поблагодарила, сказав, что в самом деле ощущает тоску и нервное напряжение, так что, наверное, у нее и правда послеродовая депрессия.

Детство (1982–1994)

Ким Чжи Ен родилась 1 апреля 1982 года в сеульском роддоме. Рост 50 сантиметров, вес 2,9 килограмма. Ее отец был государственным служащим, а мать – домохозяйкой. У Чжи Ен была сестра на два года старше, а еще через пять лет родился брат. Семья из шести человек – бабушка со стороны отца, родители и трое детей, – жила в доме на 10 пейонгов с двумя спальнями, кухней, которая также служила гостиной, и одной ванной.

Самое раннее воспоминание Чжи Ен – как она ест молочную смесь, которой кормили ее брата. Она была на пять лет старше, так что ей в этот момент было лет шесть или семь. Сухое молоко почему-то казалось ей очень вкусным и сладким. Когда мать смешивала порошок с водой, Чжи Ен садилась рядом и подбирала с пола рассыпавшиеся крошки смеси пальчиком, смоченным слюной. Время от времени мама разрешала ей раскрыть рот и медленно высыпала туда полную ложку сладкого, вкусного порошка. Смесь таяла во рту, превращаясь в липкие карамельные хлопья, которые постепенно растворялись, оставляя за

собой странное послевкусие на кончике языка.

Ко Сун Бун, бабушка Чжи Ен, терпеть не могла, когда та ела молочную смесь брата. Если она заставала ее за этим, то шлепала по спине до тех пор, пока смесь не выходила у нее изо рта и носа. Старшая сестра Чжи Ен, Ким Юн Йонг, вообще не прикасалась к детской смеси с тех пор, как бабушка побила ее за это.

– Ты что, не любишь детскую смесь?

– Люблю.

– Тогда почему ты ее не ешь?

– Она жадина.

– Это как?

– Она ее жадничает. Я никогда не буду ее есть. Никогда.

Чжи Ен не знала, что значит «жадничать», но понимала, что чувствует сестра. Бабушка ругалась не потому, что Чжи Ен была слишком большой, чтобы есть смесь, и не потому, что смеси не хватало для брата. Это было нечто совершенно другое. Это нечто выражалось в тоне бабушкиного голоса, в выражении лица, в наклоне головы, поднятых плечах и тяжелом дыхании, но это было трудно сформулировать. Лучший способ описать чувства бабушки: «Как ты смеешь брать что-то, что принадлежит моему драгоценному внуку». Брата холили и лелеяли, все его вещи были лучшими из лучших, и к ним не мог прикасаться абы кто. Чжи Ен чувствовала, что она была чуть меньше, чем «абы кто», и Юн Йонг, должно быть, чувствовала то же самое.

Во время еды горячий свежесваренный рис подавали, естественно, сперва отцу, затем брату, затем бабушке. Было также естественно, что самые красивые и вкусные кусочки тофу, пельмени и обжаренные тефтели предназначались брату, а Чжи Ен и Юн Йонг получали те, что развалились во время готовки. У брата, конечно же, были парные палочки для еды, носки и длинные штанишки, а его старшие сестры обходились непарными палочками. Если в доме было только два зонтика, брат брал один, а обе сестры – другой. Если было только два одеяла,

брату доставалось одно, а девочки делили второе. Если было только две порции какого-нибудь угощения, повторялось все то же самое.

В детстве Чжи Ен искренне не замечала, что брат как-то особенно выделяется, и поэтому не завидовала. Время от времени ей казалось, что тут что-то несправедливо, но она привыкла говорить себе: «Так уж заведено». Она объясняла эту ситуацию тем, что старшие должны заботиться о младших, а сестры делятся всем, потому что они девочки. Мать часто хвалила сестер за то, что они хорошо заботятся о своем маленьком брате и не завидуют ему. После этого Чжи Ен было еще труднее проявлять зависть и ревность.

Отец Чжи Ен был третьим из четырех братьев. Самый старший его брат погиб в автокатастрофе, даже не успев жениться. Второй по старшинству уехал с семьей жить в Америку. Из-за споров о наследстве и о том, кто будет заботиться о матери, самый младший брат разорвал все связи с семьей.

Отец Чжи Ен и его братья родились и росли в то время, когда сам факт выживания не был гарантирован. Люди гибли от войн, голода и болезней. Их мать Ко Сун Бун сумела пережить это и вырастить детей, работая на чужих полях, убирая чужие дома и торгуя, одновременно следя за собственным хозяйством и воспитывая четырех сыновей, что требовало неуклонной стойкости. С другой стороны, дедушка, их отец, всегда сохранял светлую кожу и мягкие, ухоженные руки. За всю свою жизнь он не коснулся руками земли. Он не мог и не хотел кормить семью. Но бабушка не возмущалась. Она считала, что у нее достойный муж – ведь он не бил ее и не изменял ей. Несмотря на то что из четверых выращенных с большим трудом сыновей только про одного, отца Чжи Ен, можно было сказать, что он выполняет сыновний долг, она со странным вывертом логики считала, что это оправдывает ее существование.

«Я ем свежий рис, сваренный моим сыном, и сплю в тепле, созданном моим сыном, потому что у меня было четверо сыновей. У каждого должно быть по меньшей мере четверо сыновей, чтобы о нем позаботились в старости».

Рис варил не отец, а мать Чжи Ен, и она же стелила постели на теплом полу, но бабушка всегда говорила, что все это благодаря ее сыну. По сравнению с другими свекровями своего поколения и с учетом того, что ей пришлось перенести, бабушка еще была великодушна и искренне заботилась о невестке, хоть и всегда напоминала ей: «Надо рожать сыновей, ты должна рожать сыновей, ты должна иметь хотя бы двух сыновей…»

Когда родилась Юн Йонг, ее мать опустила голову и заплакала, обнимая новорожденную дочку.

– Простите, матушка, – извинялась она перед свекровью.

Та утешила свою невестку:

– Ничего, я не в обиде. Следующий будет мальчик.

Когда родилась Чжи Ен, ее мать снова заплакала, опустив голову.

– Прости меня, малышка, – извинялась она перед младенцем.

Бабушка снова утешила свою невестку:

– Я не против. Но третий должен быть мальчик.

Меньше чем через год после рождения Чжи Ен ее мать была снова беременна третьим ребенком. Однажды ночью ей приснилось, что из ворот выскочил огромный тигр и вцепился ей в юбку. Она была уверена, что на сей раз будет мальчик, но пожилая врач-гинеколог, которая принимала и Юн Йонг, и Чжи Ен, была озабочена.

Водя ультразвуковым датчиком по животу вверх и вниз, она огорченно повторяла:

– Такая красивая малышка… Прямо как сестрички.

Когда мать Чжи Ен вернулась домой, она горько плакала и ее сильно рвало. Прислушиваясь к звукам, доносящимся из-за закрытой двери в ванную, бабушка поздравила свою невестку.

– Тебя никогда не рвало во время Юн Йонг и Чжи Ен. На этот раз все по-другому.

Но мама все не могла выйти из ванной. Она провела там долгое время, ее рвало, и она продолжала плакать. Позже, уже ночью, когда девочки заснули, мать

спросила отца, который метался и ворочался в постели:

– А что, если, ну, гипотетически, что, если у нас родится третья девочка? Что ты будешь делать?

Она ждала, что он скажет, что она не должна задавать таких вопросов, что, конечно же, они будут растить детей со всей возможной заботой и не важно, какого они пола. Но он ничего не сказал ей.

– Ну же? Что ты будешь делать? – настаивала она.

И наконец он ответил, отвернувшись от нее к стене:

– Не говори таких вещей. Ты нас сглазишь. Давай спать.

Закусив губу, она беззвучно проплакала всю ночь, пока ее подушка не промокла насквозь. На следующее утро губы матери так распухли, что она не могла закрыть рта и из него капала слюна.

Примерно в то же время правительство стало внедрять политику контроля рождаемости под лозунгом «семейного планирования». Аборты по медицинским показаниям были разрешены десять лет назад, и «это девочка» стало вполне достаточным медицинским показанием для избирательного аборта женских эмбрионов[1 - Парк Джэ Хунь. Статистическая семья. 2015, с. 57–58. Мати. Чон Гван Юл. Корни женоненавистничества? Сентябрь 2015. Сисалн Журнал.]. Это продолжалось в восьмидесятых годах и привело к всплеску нарушений гендерного баланса в ранних девяностых. Соотношение мужчин и женщин было особенно высоко среди третьих и следующих детей в семье – мальчиков рождалось вдвое больше, чем девочек[2 - Соотношение полов при рождении в порядке рождения. Статистика Кореи.]. Мать в одиночестве отправилась в больницу, чтобы «стереть» сестру Чжи Ен. Это был не ее выбор, но это стало ее виной. Никто в семье не утешил ни ее страдающего сердца, ни больного тела. Она выла, когда из нее выскребали ее младенца. Только пожилая врач-гинеколог, держа ее за руку, сказала, что ей очень жаль. Если бы не эти ласковые слова, мать могла бы лишиться рассудка.

Прошло много лет, прежде чем она снова смогла забеременеть. Ребенок оказался мальчиком и благополучно появился на свет. Это и был брат Чжи Ен,

рожденный на пять лет позже.

Так как отец Чжи Ен был государственным служащим, его работа и зарплата были стабильны. Но одной зарплаты служащего не хватало на семью из шести человек. Дети подрастали, и в крошечном домике с двумя спальнями стало тесно. Мать Чжи Ен мечтала переехать в дом попросторнее, чтобы у ее дочек, деливших комнату с бабушкой, была отдельная спальня.

У матери не было постоянной работы, как у отца, но она все время искала любую работу. Она всегда работала, одновременно ведя хозяйство, воспитывая троих детей и заботясь о свекрови. Так жили практически все женщины ее достатка. В то время возникло много новых способов заработка для домохозяек. Все они имели название, кончающееся словом аюмма, что означает «женщина среднего возраста». Страховка аюмма, йогурт аюмма, косметика аюмма. Большинство аюмма, работавших на этих работах, не были наняты компаниями напрямую. Что означало, что компании не несут ответственность за последствия рабочих конфликтов или травм на рабочих местах – женщины работают на свой страх и риск[3 - Ким Си Хунь. Неучтенная работа. 2016, с. 21–29. Самчанг.]. Поскольку мать Чжи Ен растила троих детей, она предпочитала работать дома. Такой заработок назывался «на стороне». Она делала множество работ «на стороне» – распарывала швы, собирала коробки, клеила конверты, чистила чеснок, скручивала дождевые полоски… Этим мелким, бессмысленным работам не было конца. Маленькая Чжи Ен помогала маме. Обычно ее работой было собирать и выбрасывать мусор или считать сделанное.

Самой гадкой работой было скручивать дождевые полоски. Это были длинные, узкие полосы губки с одной клейкой стороной, которые подкладывались под дверь или окно во время дождей. Они покупались кучей, а работа состояла в том, чтобы взять две полоски, скрутить их в тугой рулон, и засунуть в пластиковый пакетик, чтобы он не развернулся. Мать зажимала полоски между указательным и большим пальцами левой руки и скручивала правой. Пока она скручивала, острый край бумаги, закрывающей липкую часть, резал ей руку между пальцами. Даже притом, что она надевала двойные перчатки, рука постоянно кровоточила. Но, несмотря на объем материалов, на мусор, который от них оставался, на вонь от губки и клея, от которой болела голова, мать не могла бросить эту работу. За нее платили больше, чем за все остальные. Так что мать брала все больше и больше работы «на стороне» и работала все дольше и дольше.

Чаще всего она работала после возвращения мужа со службы. Школьницы Чжи Ен и Юн Йонг после школы садились рядом с матерью, делали уроки, играли и иногда помогали ей. Младший брат в это время играл с обрывками губки и пластиковой упаковкой. Если работы было слишком много, они отодвигали кучи полосок в сторону и ужинали рядом с ними. Однажды отец задержался на работе и пришел позже, чем обычно. Увидев, как его малыши играют в куче дождевых полосок, он впервые попенял жене на ее работу.

– Тебе действительно необходимо делать все это в присутствии детей? Посмотри на эту пыль. И все так воняет.

Руки и плечи матери тут же замерли. Она начала собирать упакованные полоски в коробку, а отец, пробираясь по полу, заваленному кусками губки и бумаги, пробормотал:

– Прости, что ты вынуждена заниматься этим.

Он тяжело вздохнул, и Чжи Ен увидела, что по его лицу пробежала тень, но, когда она присмотрелась, тень уже исчезла. Мать подняла коробки, которые были огромными, и унесла их в гостиную, а отец подмел пол и собрал обрывки в пластиковый пакет.

– Ты не виноват, что я этим занимаюсь, – сказала мать отцу. – Мы оба сейчас много работаем. Тебе не за что извиняться, просто перестань причитать, словно ты один содержишь семью. Никто не просит тебя делать это, и, если честно, ты этого и не делаешь.

Она сказала это довольно холодно, но все же прекратила работу с дождевыми полосками. Водитель, который привозил ей сырье, спросил, почему она перестала работать – ведь у нее так хорошо и быстро получалось.

– Прямо жаль, что ты это бросаешь. А почему бы тебе не выучиться дизайну? Мне кажется, у тебя бы хорошо получилось.

Мать только махнула рукой и рассмеялась, говоря, что слишком стара, чтобы учиться чему-то новому. Тогда ей было всего тридцать пять. Но, хоть она и отказалась, похоже, слова водителя произвели на нее впечатление, потому что она стала ходить на занятия в академию, оставляя маленькую Чжи Ен на

старшую (хотя тоже маленькую) сестру, а младшего сына – на бабушку. Это была не академия искусств, это была школа парикмахеров. Мать даже не озаботилась получить сертификат о ее окончании. Утверждая, что ей не нужен сертификат, чтобы стричь волосы, она начала ходить по домам, предлагая дешевые стрижки для детей и пожилых женщин, едва научившись делать простые стрижки и освоив технику химической завивки.

Слава о ее визитах передавалась из уст в уста. У нее действительно оказались ловкие руки и определенный вкус. Пожилым дамам, которые заказывали завивку, она делала в подарок макияж собственной помадой и карандашами. А когда она стригла детей, то бесплатно подравнивала челки их братьям, сестрам или матерям. Она нарочно выбирала схему завивки чуть дороже, чем в салоне по соседству, и читала рекламу своим клиентам.

– Видите, вот тут? «Наш новый продукт не раздражает кожу головы. Содержит женьшень». Вы, госпожа, намажете свои волосы женьшенем. Дорогим женьшенем, который я сама никогда даже не пробовала.

Она брала за работу наличными, не платя ни копейки налогов. Как-то раз у нее вышла драка с местной парикмахершей, которая потеряла из-за нее много клиентов. Но поскольку семья Чжи Ен давно жила в этом районе и пользовалась хорошей репутацией, соседи были на стороне матери. В конце концов они с парикмахершей поделили клиентов и сосуществовали, не нарушая границ друг друга.

У О Ми Сук, матери Ким Чжи Ен, было два старших брата, старшая сестра и младший брат. Все они, повзрослев, уехали из родного города. В ее семье многие поколения были довольно успешными фермерами. Но мир изменился. Корея из традиционно сельскохозяйственной страны превратилась в страну развитой индустрии, и они больше не могли жить плодами своих трудов. Ее отец, как и каждый поселянин того времени, отправил детей в города. Но он не мог содержать их там и оплачивать их образование. Жизнь в городе была дорогой, а плата за обучение еще выше.

О Ми Сук закончила начальную школу, после чего помогала родным работать дома и в поле. В пятнадцать лет она перебралась в Сеул. Ее сестра, старше на два года, уже жила там, работая на текстильной фабрике в Чонгуйчоне. Мать

Чжи Ен устроилась на ту же фабрику и поселилась с сестрой и двумя другими девушками в крошечной тесной комнатке. Почти все работницы фабрики были девушки. Они были не только одного с ней возраста, но и такого же происхождения и образования. Молодые работницы никогда не отдыхали, не ели досыта и не высыпались. Они постоянно работали, делая лишь краткие перерывы, и никогда не роптали, поскольку считали, что работа на фабрике устроена именно так. Жар от ткацких и прядильных станков заполнял помещения и сводил их с ума. Они подтягивали свои короткие форменные юбочки как можно выше, но пот все равно стекал по ногам и рукам. Некоторые девушки заболевали легочными болезнями, так как постоянно дышали пылью. Они работали днем и ночью, глотая кофеиновые таблетки, отчего их лица становились серыми. То немногое, что зарабатывали, они отсылали домой, чтобы заплатить за образование своих братьев. Тогда считалось, что семейное благосостояние зиждется на успехе сыновей и их успех означает успех для всей семьи. Эта схема предполагала, что дочери добровольно приносят себя в жертву своим братьям[4 - Парк Джи Хунь. Статистическая семья. 2015, с. 61, Мати.].

Старший брат Ми Сук окончил областную национальную медицинскую школу и всю жизнь проработал в университетском госпитале. Другой ее брат ушел на пенсию начальником полиции. Ми Сук гордилась братьями, которые были прилежны, хорошо воспитаны и успешны в учебе. Она даже хвасталась братьями своим подругам на фабрике. Когда братья стали финансово независимы, они оплатили образование младшего брата. Благодаря им он смог поступить в педагогический колледж в Сеуле. Вся семья восхищалась старшим братом, который поддерживал их, достигнув благосостояния. Именно тогда Ми Сук и ее сестра поняли, что их шанс дождаться помощи от семьи не наступит никогда. Они с опозданием записались в школу рабочей молодежи и в конце концов окончили ее, работая днем и занимаясь по ночам. После этого Ми Сук начала готовиться к экзаменам в университет. Когда ее младший брат начал преподавать в университете, она сама только получила университетский диплом.

Однажды, когда Чжи Ен училась в начальной школе, ее мать, прочитав замечание учителя в дочкином дневнике, сказала, немного помолчав: «Я тоже хотела быть учителем».

Чжи Ен думала, что мама может быть только мамой. То, что мама когда-то хотела стать кем-то еще, показалось ей таким странным, что она рассмеялась.

– Нет, правда. Когда я ходила в школу, я очень хорошо училась, даже лучше, чем твой старший дядя.

– Тогда почему же ты не стала учителем?

– Я должна была зарабатывать деньги, чтобы могли учиться мои братья. Такой был порядок. В то время все женщины жили так.

– Ну так ты теперь можешь стать учителем.

– Теперь мне надо зарабатывать деньги, чтобы учить тебя. Такой порядок. Сейчас все матери живут так.

Чжи Ен почувствовала, что мама жалеет обо всем этом, может быть, даже о том, что стала мамой. Ей показалось, будто она – камень, небольшой, но тяжелый и неподвижный, прижимающий к полу длинную мамину юбку, и ей стало очень грустно. Заметив молчание дочки, мама ласково провела рукой по ее взлохмаченной голове.

Чжи Ен ходила в огромную начальную школу. Дорога туда занимала у нее двадцать минут пешком. В каждой параллели было от одиннадцати до пятнадцати классов, и в каждом классе – по пятьдесят учеников. Когда Чжи Ен пошла в школу, количество учеников было так велико, что школа начала работать в две смены – утреннюю и дневную.

Чжи Ен не ходила в детский сад, так что школа была ее первым социальным опытом за пределами семьи. Когда она пообвыклась, мама поручила Ким Юн Йонг отводить младшую сестренку в школу. Каждое утро та собирала малышке учебники и тетрадки в соответствии с ее расписанием, проверяла дневник и тетрадки с домашней работой и складывала четыре остро отточенных карандаша и ластик в пухлый пенал Чжи Ен, украшенный картинкой с волшебной принцессой. Если сестренке нужны были какие-то школьные принадлежности, она просила у мамы денег и покупала, что нужно, в магазине около школы. Чжи Ен никогда не терялась, приходила в школу и домой вовремя, послушно сидела на уроках и ни разу не описалась. Она никогда не забывала списать с доски домашнее задание и часто получала отличные отметки за диктанты.

Первой большой неприятностью в школе стали для Чжи Ен «ссоры с соседом по парте», обычная проблема для многих школьниц. Но его приставания не казались Чжи Ен простыми шалостями. Он травил ее и иногда делал это грубо. Она очень переживала, но не могла ничего поделать, лишь пожаловалась маме и сестре. Сестра сказала, что мальчишки все дураки, но с этим ничего не поделаешь и не надо обращать на них внимания. Мама, наоборот, отругала Чжи Ен за то, что она воспринимает эти дружеские подколки всерьез, да еще и плачет из-за этого.

В какой-то момент сосед начал ее побивать. Сидя на своем стуле, стоя рядом или роясь в своем рюкзаке, он словно «нечаянно» толкал ее. Пробегая мимо нее по коридору, он нарочно подбегал поближе и больно бил ее по руке. Он брал у нее ластики, карандаши и линейки, но никогда не отдавал их обратно. Если она просила вернуть вещи, он швырял их на пол, садился на них или говорил, что ничего у нее не брал. Однажды они поссорились из-за этого прямо во время урока, и оба были наказаны. Когда же Чжи Ен перестала давать ему свои вещи, он начал высмеивать ее одежду и ошибки, которые она делала, или утаскивать и прятать ее портфель или мешок для сменной обуви.

Однажды ранним летом она слушала учительницу, сняв тапочки и поставив одну ногу на подставку парты. Вдруг сосед вытянул ногу и сильно пихнул ее тапочку. Она пролетела по проходу и упала прямо возле учительского стола. Весь класс рассмеялся. Учительница покраснела. Указывая на тапочку, она спросила:

– Кто это сделал?

Чжи Ен побоялась ответить. Конечно, это была ее тапочка, но она думала, что сосед скажет, что это сделал он. Напрасно. Может быть, ему тоже было страшно? В любом случае, он сидел, не поднимая головы.

– Я жду ответа. Или вы хотите, чтобы я проверила тапочки у всех?

Чжи Ен толкнула соседа локтем и прошептала: «Это ты сделал». Но сосед только опустил голову еще ниже и ответил: «Это твоя тапка». Когда учительница снова постучала по столу, Чжи Ен ничего не оставалось, кроме как поднять руку. Ее вызвали к доске и отругали перед всем классом. Учительница сказала, что, раз она не ответила сразу, значит, она трусливая лгунья и только ворует у остальных драгоценное время. Чжи Ен залилась слезами. Она была настолько

ошарашена всей ситуацией, что не могла ни объяснить, что произошло, ни оправдаться.

Но тут кто-то тихонько сказал: «Это не она». Голосок принадлежал девочке, которая сидела позади них, через проход.

– Это тапочка Ким Чжи Ен, но она этого не делала. Я видела, как это случилось.

Учительница, чувствуя неловкость, спросила у девочки:

– Что ты говоришь? Кто же тогда это сделал?

Но девочка ничего не сказала. Она ждала, медленно обводя класс глазами, пока не уставилась прямо на виновника. Все следили за ее взглядом. И только тогда сосед Чжи Ен во всем признался. Учительница покраснела еще сильнее. Она ругала его в два раза дольше и гораздо громче.

– Оказывается, ты обижаешь Чжи Ен? Я знаю, как ты себя ведешь. Отправляйся домой и напиши на бумаге все, что ты сделал, ничего не пропускай. Я все про тебя знаю, так что даже не вздумай что-нибудь утаить. Напиши вместе с мамой письмо с извинениями, и пусть она распишется на нем.

Сосед ушел домой, опустив плечи, плача и говоря, что мама теперь его убьет. Потом учительница попросила Чжи Ен остаться после урока.

Чжи Ен боялась, что ее снова будут ругать, но, на удивление, учительница села рядом с ней и стала извиняться. Она сказала, что очень жалеет, что отругала ее, не разобравшись в ситуации, и что она думала, что это баловался хозяин тапки. Потом учительница извинилась и сказала, что такого больше не повторится. Она была не права и пообещала, что в следующий раз будет внимательнее. От напряжения Чжи Ен снова расплакалась. Учительница спросила, не хочет ли она что-то сказать или попросить. И Чжи Ен ответила, всхлипывая:

– Пожалуйста… Можно его отсадить?.. И, пожалуйста… Можно, чтобы он… больше никогда не сидел со мной?..

Учительница потрепала ее по плечу.

– Чжи Ен, я замечала это и раньше, но ты, кажется, не заметила. Просто ты ему нравишься.

Эти слова казались такими нелепыми и неуместными, что Чжи Ен от изумления подавилась слезами.

– Он меня ненавидит. Вы же сказали, что знали, что он меня обижает.

Учительница рассмеялась.

– Мальчики всегда дразнят девочек, которые им нравятся. Я с ним поговорю. Так что, может, вы все же подружитесь, и мне не придется пересаживать тебя?

«Я ему нравлюсь? Когда мальчик травит тебя, это значит, что ты ему нравишься?» Чжи Ен ничего не понимала. Она попыталась быстро вспомнить все, что происходило до сих пор, но не могла понять убеждений учительницы. Если тебе кто-то нравится, ты будешь вести себя с ним лучше и добрее. Ты ведешь себя так с друзьями, с членами семьи, даже со своими домашними животными. Даже восьмилетняя Чжи Ен понимала это. А из-за соседа с его приставаниями ее школьная жизнь стала неприятной. Ее обижали, а теперь получается, что это она такая нехорошая, не понимала своего друга. Чжи Ен покачала головой.

– Нет. Я его ненавижу. Правда, я терпеть его не могу.

На следующий день ее пересадили. Ее новым соседом стал самый высокий мальчик в классе, который всегда сидел на задней парте один. Они никогда не спорили и не ссорились.

В третьем классе она дважды в неделю обедала в школе. Это, казалось бы, безобидное дело было для нее трудным, потому что ела она очень медленно. Их начальная школа одна из первых в Корее и самая первая в их регионе ввела систему школьных обедов. Школа гордилась своей просторной, чистой кухней и столовой. Во время обеденного перерыва школьники выстраивались в очередь, заходили в столовую и обедали. Небольшая столовая не вмещала всех учеников сразу, поэтому все должны были есть как можно быстрее, чтобы освободить место для следующих.

Дети, которые быстро съедали обед, потом весело играли на площадке, но Чжи Ен сидела, набив рот рисом и стараясь побыстрее все проглотить. Учитель их третьего класса не разрешал брать меньшие порции обеда или оставлять что-то на тарелке. За пять минут до конца обеда он начинал обходить столовую и ругать тех, кто еще не доел, заставляя поторапливаться. Он даже стучал ложкой по их подносам. От спешки и испуга детям казалось, что еда застревает у них в глотке, но они покорно старались запихать рис с добавками в свои рты и запить водой, чтобы скорее проглотить все это, как лекарство.

В классе Чжи Ен было 49 человек. У каждого ученика был свой номер: у мальчиков – от 1-го до 27-го, а у девочек – от 28-го до 49-го. Номера выдавались в зависимости от дня рождения. Так как Чжи Ен родилась в апреле, ей выдали номер 30. А поскольку обед выдавали по номерам, то она получала свой тридцатой по очереди. Так как девочки, рожденные позже всех, могли есть сидя только тогда, когда школьники с меньшими номерами, пообедав, освобождали им место, то обычно именно девочек ругали за то, что они медленно едят.

В тот день у их учителя было особенно плохое настроение. Весь класс наказали за то, что дежурные плохо вытерли доску. Началась внезапная проверка ногтей, и Чжи Ен пришлось быстро постричь ногти прямо под партой. Во время обеда девочки, которых всегда наказывали за опоздание, заглатывали пищу так быстро, как могли, кидая испуганные взгляды на учителя, который пришел в столовую и начал кричать, стуча по подносам с такой силой, что рис и анчоусы буквально подпрыгивали. Некоторые расплакались с набитым ртом. Хотя никто этого не планировал, но вышло так, что наказанные ученики собрались во время уборки в конце класса. Обмениваясь жестами и краткими фразами, они договорились встретиться после школы у Бабушки Тёкпокки на рынке Йонг Джин.

Собравшись там, все начали жаловаться.

– Он просто на нас зло вымещает. С самого утра срывался на нас ни за что.

– Ну да, так и было.

– Чем больше он кричит, тем труднее бывает все это проглотить.

– Не то чтобы мы нарочно ели медленно или делали ему назло. Мы просто так едим. И мы ничего не можем с этим поделать.

Чжи Ен тоже была согласна с этим. Учитель был не прав. Было трудно сказать, что именно было неправильным, но она чувствовала, что сама ситуация оказалась нечестной и обидной. Но Чжи Ен не привыкла высказывать свое мнение и ей было трудно жаловаться вслух. Она кивала, тихо слушая то, что говорят другие. Вдруг Юна, которая тоже слушала молча, как Чжи Ен, сказала:

– Это нечестно. – И спокойно продолжила: – Нечестно, что мы должны получать обед по номерам. Надо попросить, чтобы этот порядок изменили.

Она что, собиралась сказать все это учителю? Разве так можно? Чжи Ен подумала и решила, что вообще-то Юна вполне могла это сделать. Она хорошо училась, а ее мама возглавляла родительский комитет. На пятничном собрании класса Юна подняла руку и сказала: «Я думаю, нам надо изменить порядок получения обеда».

– Поскольку ученики получают обед по порядковым номерам, то те, у кого номера больше, получают еду позже других и, естественно, заканчивают обедать тоже позже. Существующий порядок несправедлив по отношению к этим ученикам.

Юна сказала все это тихо, спокойным голосом, глядя учителю в глаза. Учитель улыбался, но кончики губ у него то и дело подергивались. Атмосфера в классе была натянута, как резиновая лента, которая вот-вот может сорваться. Хотя говорила Юна, Чжи Ен чувствовала, как от нервного напряжения у нее дрожат ноги. Поглядев на Юну, учитель с улыбкой ответил:

– Хорошо. Давайте со следующей недели изменим порядок. Первым будет получать обед номер 49. И дальше будем менять порядок каждый месяц.

Девочки с большими номерами весь день громко кричали от радости. Но, хотя порядок входа в столовую и поменялся, сама атмосфера осталась прежней. Учитель все равно злился, когда дети медленно ели свой обед. Он продолжал пугать их настолько, что им было трудно глотать, и двое из тех шести, что собрались тогда в тёкпокки, продолжали получать нагоняй за медленную еду. Номер Чжи Ен был в середине, так что она все равно заходила в столовую

примерно в то же самое время. Она так боялась стать отстающей, что начала есть с ужасающей скоростью, и ее перестали наказывать.

У нее появилось ощущение победы. Они воспротивились власти и добились перемен. Для Юны, Чжи Ен и девочек с большими номерами это был неоценимый опыт. Из него выросло нечто, похожее на критическое мышление и уверенность. Но они все еще не додумались до вопроса, почему мальчиков нумеруют раньше, чем девочек. Казалось естественным, что отсчет начинается с мальчиков и что они всегда должны быть первыми. Мальчики стояли первыми, продвигались первыми, первыми отвечали урок и сдавали домашнюю работу, а девочки ждали, иногда скучая, а иногда с облегчением, но им никогда не казалось это странным, и они спокойно ждали своей очереди. Точно так же, как никому не приходило в голову спросить, почему номера удостоверений членов правительства для мужчин начинаются с цифры 1, а для женщин – с цифры 2.

Начиная с четвертого класса, ученики выбирали голосованием президента класса. Голосование проводилось один раз в первом семестре, и один – во втором, то есть дважды в год, шесть раз за три года. В классе Чжи Ен все шесть раз президентом становился мальчик. Многие учителя выбирали пять или шесть толковых девочек и посылали их с разными поручениями, давали им проверять работы и домашние задания всего класса. Учителя всегда говорили, что девочки заметно умнее. Ученики тоже знали, что девочки лучше учатся, что они спокойнее и ответственнее, но выборы почему-то всегда выигрывали мальчики. И так было не только в классе Чжи Ен. В то время мальчик – президент класса было нормой. Вскоре после того как Чжи Ен перешла в среднюю школу, ее мама с изумлением прочитала в газете:

– Тут пишут, что теперь в начальных классах стало гораздо больше девочек-президентов. Больше сорока процентов[5 - Существует ли закон против школьных президентов-женщин? 4 мая 1995 года. Корейские Новости.]. Может быть, когда вы с Юн Йонг подрастете, в Корее даже будет женщина-президент.

Согласно статистике, во времена обучения Чжи Ен в начальной школе меньше половины президентов школьных классов были девочками, но все равно это было гораздо больше, чем раньше. Девочки всегда отвечали за чистоту в классе, а мальчики – за занятия спортом. Решали так учителя или сами ученики, результат был одним и тем же.

Когда Ким Чжи Ен была в пятом классе, ее семья переехала в новую квартиру на третьем этаже в новом доме. Там было три спальни, ванная и кухня, которая была и гостиной. Квартира была в два раза просторней и в десять раз удобней той, где они жили раньше. Чтобы купить эту квартиру, мать экономила и приумножала то, что ей удавалось отложить от зарплаты отца и собственных заработков. Она проверяла и сравнивала разные накопительные программы и выигрышные займы в различных банках, инвестировала в жилищные фонды, подписывалась на сберегательные счета, которые предлагали всевозможные бонусы. Также она организовала ги, общественный фонд взаимопомощи среди соседей, которым доверяла, он-то и принес им самую большую выгоду. Но, когда ее родственники, включая родную сестру, просились вступить в этот ги, мать всегда им отказывала.

– Никогда нельзя доверять родным, живущим далеко от тебя. Я не хочу потерять и деньги, и семью.

В старом доме, где они жили раньше, были перемешаны и традиционные, и современные вещи, так как его постоянно чинили и ремонтировали то здесь, то там. Кухня, которая служила и гостиной, не обогревалась, потому что пол в ней был положен прямо на плитки внутреннего двора. В ванной, аккуратно выложенной кафелем, не было ни раковины, ни ванны, так что они наливали воду в большое пластиковое корыто и поливали себя из ковша. Туалет был в сарае, стоящем отдельно от дома, возле входных ворот. В новой же квартире все комнаты были теплыми, с обогревом. Там были собственные ванна и туалет, так что не нужно было выбегать на улицу, чтобы умыться. И у сестер наконец появилась своя спальня. В самой большой комнате жили родители и маленький брат, во второй по величине – Чжи Ен с сестрой, а в самой маленькой – бабушка. Бабушка с отцом считали, что сестры должны разделить спальню с бабушкой, а отдельную комнату отдать мальчику, но мать отказалась от этого наотрез. Она настояла на том, чтобы бабушка жила в отдельной комнате, чтобы она могла там слушать радио, петь свои буддийские песнопения и спать днем.

– Зачем ему отдельная комната? Он даже еще не ходит в школу. И он все равно приходит к нам каждую ночь вместе со своей подушкой. Малыш, ты хочешь спать со мной или один?

Семилетний мальчик ответил, что никогда, никогда ему не будет нужна своя комната и что он всегда будет спать с мамочкой, так что сестры получили отдельную спальню, как мать и планировала. Она даже отложила втайне от отца

немного денег, чтобы украсить и обставить эту комнату. Она купила два новых письменных стола и поставила их рядом возле солнечного окна. Новый шкаф и книжные полки заняли место у стены. Еще она купила две новые кровати, а на противоположную стену повесила большую карту мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Парк Джэ Хунь. Статистическая семья. 2015, с. 57–58. Мати. Чон Гван Юл. Корни женоненавистничества? Сентябрь 2015. Сисалн Журнал.

2

Соотношение полов при рождении в порядке рождения. Статистика Кореи.

3

Ким Си Хунь. Неучтенная работа. 2016, с. 21–29. Самчанг.

4

Парк Джи Хунь. Статистическая семья. 2015, с. 61, Мати.

5

Существует ли закон против школьных президентов-женщин? 4 мая 1995 года. Корейские Новости.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nem-dzhu_te/gospozha-kim-chzhi-en-rozhdennaya-v-1982-godu

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить